УДК 811.112.5 http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-137-153
Оригинальная статья / Original paper

Основные германские диалекты Фландрии

Л. А. Ульяницкая*✉, *А. А. Шумков

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. В статье рассматривается сложная языковая ситуация во Фламандском регионе Бельгии, связанная с прогрессирующим исчезновением германских диалектов, исторически распространенных на этой территории. Каждая диалектальная группа имеет свои уникальные черты, а западно-фламандская и лимбургская группы могли бы стать основой отдельных языков.

Методология и источники. Методологическим основанием выступает комплексный подход, заключающийся в сочетании сравнительно-исторического и сопоставительного методов, а также метода социолингвистической интерпретации. Исследование проводилось на языковом материале, собранном в различных диалектальных словарях нидерландского языка, а также в специальных лингвистических работах по языковой ситуации во Фландрии.

Результаты и обсуждение. В статье представлено разнообразие германских диалектов, бытующих на территории современной Фландрии. Приводится краткая справка о лексических и грамматических особенностях четырех основных диалектальных групп, а также об особенностях их фонетики. Особое внимание уделено, соответственно, городским диалектам Антверпена, Гента, Брюгге и Хасселта. Анализируются некоторые интерференционные явления, вызванные контактом исследуемых диалектов с романо-германским окружением и проявляющиеся на всех языковых уровнях – от фонетического до синтаксического. Высказывается предположение об интерференционно-фонетической природе специфических грамматических форм во фламандских диалектах. Для марольского диалекта, изначально относящегося к группе брабантских диалектов, обсуждается стык германского морфосинтаксического строя с романской лексикой.

Заключение. За последние 20 лет процент говорящих на германских диалектах Фландрии продемонстрировал катастрофическое снижение. Вместе с тем основные черты этих диалектов, в особенности брабантских, перешли в промежуточный язык «tussentaal» как в плане лексики, так и в плане грамматики. Этот язык является переходным между германскими диалектами и нидерландским языком, представленным во Фламандском регионе двумя вариантами – общенидерландской нормой и бельгийским нидерландским языком. Прогрессирующее снижение числа говорящих на исконных диалектах Фландрии заставляет задуматься о необходимости строгой научной фиксации исчезающих языковых вариантов.

Ключевые слова: Фландрия, фламандские диалекты, лимбургский язык, марольский диалект, лингвистическая интерференция.

Для цитирования: Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Основные германские диалекты Фландрии // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 6. С. 137–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-137-153

© Ульяницкая Л. А., Шумков А. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.10.2020; принята после рецензирования 09.11.2020; опубликована онлайн 25.12.2020

The Main Germanic Dialects of Flanders

Luibov A. Ulianitckaia*✉*, Andrey A. Shumkov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The article reveals a complicated language situation in the Flemish region of Belgium – a progressing extinction of Germanic dialects, which are historically spread on this territory. Each dialectal group has its unique features, and the West-Flemish and Limburgish groups might have become grounds for particular languages.

Methodology and sources. The methodological base consists in a complex approach, combining the comparative-historical and contrastive methods with the method of sociolinguistic interpretation. The investigation is conducted on the language material, collected from different dialectal dictionaries of Dutch, as well as from special linguistic papers on the language situation in Flanders.

Results and discussion. The article represents a multiplicity of Germanic dialects, existing on the territory of modern Flanders. A short revue is given on lexical and grammatical peculiarities of four main dialectal groups, as well as on their peculiar phonetics. A special attention is, respectively, paid to the urban dialects of Antwerp, Gent, Bruges and Hasselt. There are analyzed some interferential phenomena, caused by the contact of the investigated dialects with Romanic and Germanic environment and occurring on all language levels – from phonetic to the syntactic ones. It has been suggested, that certain specific grammar forms in Flemish dialects may be result of phonetic interference. For Marols, which originally belongs to the group of Brabant dialects, the juncture between Germanic morphosyntactic structure and Roman lexis is discussed.

Conclusion. For the last 20 years the percentage of persons, speaking the Germanic dialects of Flanders, has demonstrated a catastrophic decrease. Along with that, the main features of these dialects (mostly of the Brabant ones) have gone over to an intermediate language "tussentaal", in both lexis and grammar. This language is being formed in-between the Germanic dialects and Dutch; the latter is represented in the Flemish region by two variants – standard (common) Dutch and Belgian Dutch. The progressing decrease in the number of persons, speaking the autochthonous dialects of Flanders, is thought-provoking towards the exigency to fix the disappearing language variants through a strict scientific way.

Key words: Flanders, Flemish dialects, Limburgish, Marols, linguistic interference.

For citation: Ulianitckaia L. A., Shumkov A. A. The Main Germanic Dialects of Flanders. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 6, pp. 137–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-6-137-153 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.10.2020; adopted after review 09.11.2020; published online 25.12.2020

Введение. На территории Фландрии существует четыре основные германские диалектальные группы, в которые входит огромное число диалектов: брабантская (53 диалекта, из них 1 распространен в Брюсселе), восточно-фламандская (69 диалектов), западно-фламандская (34 диалекта), лимбургская (61 диалект) [1]. Диалекты двух последних групп, лимбургской и западно-фламандской, в настоящее время являются самыми употребляе-

мыми в повседневной речи жителей Фламандского региона и имеют наибольшее количество отличий от бельгийского нидерландского и общенидерландской нормы [2]. Языковая ситуация в этом регионе считается весьма сложной, что связано с прогрессирующим исчезновением вышеперечисленных диалектов, исторически исконных для этой территории. Каждая диалектальная группа имеет свои уникальные черты, а западно-фламандская и лимбургская группы могли бы стать основой отдельных языков. Так, в Нидерландах лимбургский вариант признан региональным языком.

Методология и источники. Методология исследования базируется, преимущественно, на подходах к изучению германских диалектов во Фландрии таких ученых, как J. Taeldeman, H. J. Claeys, V. Lefèvre, R. Belemans. Новым методологическим основанием в работе выступает комплексный подход, заключающийся в сочетании сравнительно-исторического и сопоставительного методов, а также метода социолингвистической интерпретации. Исследование проводилось на языковом материале, собранном в различных диалектальных словарях нидерландского языка, а также в специальных лингвистических работах по языковой ситуации во Фландрии. Конкретным материалом исследования явились лексические единицы и грамматические формы, отобранные методом сплошной выборки из диалектальных словарей нидерландского языка – Vlaams Dialectenwoordenboek, Dialecten in West-Vlaanderen, Het Dialectenwoordenboek Brugs, Dictionnaire du dialecte bruxellois, Atlas van de Nederlandse taal (Editie Vlaanderen) и других – на предмет интерференционного воздействия романских вариантов на германские диалекты Фландрии. В большинстве задействованных нами словарей фиксируются разнообразные языковые явления, отображающие как закрепленную норму, так и живой, разговорный язык; это позволяет учитывать актуальные изменения в рассматриваемых языковых вариантах и считать примеры, приведенные в работе, вполне репрезентативными. Социолингвистическая интерпретация этих примеров, вскрывающая сильное романское влияние на германские варианты Фламандского региона, позволяет проследить сложную историю развития языковой ситуации в Бельгии.

Результаты и обсуждение. Особой группой в германских диалектах Фландрии является группа лимбургских диалектов, в том числе, как уже говорилось выше, и по их обширной распространенности. На этих диалектах, прежде всего, говорят на юго-восточной территории Нидерландов, а также в северо-восточной части Бельгии и граничащих с ней западных землях Германии. В Бельгии лимбургский вариант до сих пор считается диалектом. С 1997 г. в Нидерландах он официально признан региональным языком. Лимбургские диалекты Бельгии отличаются большим количеством французских заимствований, но несколько меньшим, чем в другие германские диалекты Фландрии. Провинция Лимбург оказывает местным наречиям особую поддержку.

Западно-фламандский вариант отдельным языком не признан, несмотря на значительное число носителей и на существенные отличия от общенидерландской нормы (примерно в той же степени, что и язык Африкаанс). Западно-фламандские диалекты широко употребляются на западе Фландрии; их распространение объясняется также тем, что во второй половине XIX в. в этой области весьма активно действовало движение местных литераторов, сопротивлявшихся внедрению северонидерландского варианта (нидерландского нидерландского языка, положенного в основу общенидерландской нормы). Одним из самых видных защитников местного наречия был Гвидо Гезелле [3].

Роль больших городов в эволюции языков и диалектов не подлежит сомнению. Будучи центрами средоточия производства, торговли, культуры и образования, города «аккумулируют» региональные особенности того или иного наречия. Влияние этих особенностей, сконцентрированных в пределах городских ареалов, распространяется и за пределы агломераций. Тем самым, городской диалект может дать, в известной степени, общее представление о диалектальной группе, к которой он принадлежит. Брабантская группа может быть представлена, так или иначе, диалектами Брюсселя и Антверпена, восточно-фламандская – диалектом Гента, западно-фламандская – диалектом Брюгге. Лимбургская группа состоит из близкородственных, но весьма различных диалектов и диалектом одного города представить ее весьма сложно (впрочем, в случае Бельгии таким городом можно считать Хасселт).

Число говорящих на лимбургских диалектах в Бельгии составляет около 250 тыс. человек; столько же носителей в Нидерландах и столько же в Германии. Распространенность лимбургской диалектальной группы на три страны не является исключением. Так, на западно-фламандских диалектах говорят также в Нидерландах, на юге провинции Зеландия в (Зеландской Фландрии) – 80 тыс. носителей, и во Франции в регионе О-де-Франс (в Вестхуке, приморской Фландрии), где развился особый франко-фламандский диалект – 20 тыс. носителей. Собственно, в Бельгии число говорящих – 900 тыс. На восточно-фламандских диалектах говорят также в Нидерландах, на востоке провинции Зеландия (в Зеландской Фландрии) – около 60 тыс. носителей. В Бельгии число говорящих – порядка 210 тыс. Брабантские диалекты распространены также в некоторых провинциях Нидерландов – Северном Брабанте, с числом говорящих около 200 тыс. человек, южной части Гелдерланда и нидерландском Лимбурге, где общее число носителей – порядка 60 тыс. Собственно, в Бельгии число говорящих составляет около 870 тыс., однако распределение их по двум брабантским провинциям весьма неоднородно. В провинции Фламандский Брабант, в центре которой находится Брюссель, число говорящих около 160 тыс., а в провинции Антверпен – порядка 710 тыс. Будучи полностью изолированной от франкофонной части Бельгии, провинция Антверпен является единственной областью Бельгии, где не существует никаких установлений в отношении французского языка. Вся жизнь этой провинции может протекать исключительно на нидерландском (языковые льготы предусмотрены в 25 коммунах Бельгии) [4].

Лингвокультурная картина мира носителей языка или диалекта может быть выявлена, довольно показательно, при рассмотрении общебытовой и профессиональной лексики, а в случае фламандских диалектов – с точки зрения участия в ней галлицизмов, архаизмов или слов, редко употребимых в общенидерландской норме или в бельгийском нидерландском языке. Рассмотрение и сравнение грамматических особенностей обсуждаемых языковых вариантов может сделать эту картину еще более наглядной.

Довольно часто в диалектах Антверпена, Гента и Брюгге при ответе на вопрос «Как дела?» можно услышать французское «Ça va.», что является прямым заимствованием. Прощание сопровождается словами «Sàlù(kes), Salutjes, Salu!» или же смешанной формой «Tot subiet!». Весьма интересны отклики на своего рода упреки. Так, например, в ответ на замечание «Вас никогда нет дома!» фламандцы скажут «Bamedoen!» (Мы всегда (там)!), то есть «Mais nous (y) sommes!» («Maar we zijn (er)!»), где очевидно слияние ан-

глийского «but», французского «nous» и нидерландского «doen». Встречаются также смешанные формы «Alli how!» («Так что же!») и «(De/te)dzju!» («Покарай тебя Господь!» или «Черт возьми!»). В этих конструкциях очевидны французские лексемы «aller» («идти, происходить»), «Dieu» («Господь») и германские элементы [5].

Время, место, направление и т. п. указываются во фламандских диалектах предлогами нидерландского происхождения. Тем не менее, более сложные временные конструкции, имеющие своим семантическим центром наречие или существительное, строятся под влиянием французского языка. Так, «полдень» (в общенидерландской норме – «namiddag») в брюжском варианте будет «ɑchternoene» [6], а в гентском – «ɑchterɴoenend» (ср. французское «aprè-midi») [7]. «Прошлая неделя» (в общенидерландской норме – «verleden week») в гентском варианте – «pɑsede weke» (ср. французское «la semaine passé»). Особо показательными являются антверпенская форма «veurnoen» [8] и гентская «veuɴnoenend» [9], очевидно представляющие собой довольно редкое для общенидерландской нормы существительное «voornoen» («полдень»). Не менее редкое для общенидерландской нормы наречие «overlaatst» («полдень») представлено в антверпенском, брюжском и гентском диалектах как, соответственно, «ouver 't lèst», «overlɑtst» и «(oveɴ)loatst». Весьма обычным является для анверпенского диалекта употребление наречия «fleus», восходящего к средненидерландскому «vloechs» или «vluchs» («тотчас же»).

Числительные в антверпенском, брюжском и гентском диалектах – нидерландского происхождения. Это, в основном, относится и к обозначению времени суток, дней недели, месяцев и сезонов. Существительное «весна» основывается, иногда, на нидерландском корне «uitkom-» («результат, исход, продукт», представленном в этих диалектах как «den ouitkom», «den uutkom» и «den uitkômende» соответственно. Отметим, что окончание *-n* в артикле маркирует архаичное склонение слова, определяющего существительное (такие падежные формы весьма характерны для диалектов Фландрии). Обозначения цвета имеют, в основном, нидерландское происхождение.

Интересны гендерные различия. Обращение к мужчинам и незамужним женщинам – нидерландского происхождения, а обращение к замужним женщинам – французского: в антверпенском диалекте «medàm», а в брюжском и гентском «mɑdam». Названия членов семьи преимущественно нидерландские, за исключением бабушки и дедушки, где в основе лежат французские основы. Для бабушки – «bomma, mémé, moemoe», для дедушки – «bompa, pépé», из французских «bobonne, mamie» и «bonpapa, papy» соответственно. Исключением является также дядя – «noenkel», из французского слова «oncle».

В названиях профессий встречаются как нидерландские, так и французские лексемы. Примерами французских влияний являются антверпенское «kwàffeus, kwàffeur», брюжское «kwɑffeuze, kwɑffuir» и гентское «kwɑffeuze, kwɑffeuɴ» из «coiffeuse, coiffeur» («парикмахер-женщина, парикмахер-мужчина»). Приведем, в той же последовательности диалектов, и другие примеры:

– fàkteur, faktuir, fakteuɴ – facteur (почтальон);
– gàrsong, gɑrsong, gɑrsoen – garçon (официант);
– zjuze, zjuzje, zjuuz – juge (судья);
– pompier (во всех трех диалектах) – pompier (пожарный);
– serveus, serveuze, seɴveuze – serveuse (официантка);

– tàntìst, tɑntist, dɑntist – dentiste (дантист);

– zjuze, zjuzje, zjuuz – juge (судья) [5].

Для обозначения предметов личного пользования, одежды, и обуви используются преимущественно нидерландские лексемы, но встречаются и итальянские. Так, «галстук» во всех трех диалектах – «plastron», «plɑstrong», «plɑstʀoen» от итальянского «piastrone». «Жилет» – в гентском диалекте «goolfke» – от итальянского «golf». Итальянское слово «palto» – «пальто» представлено во всех трех диалектах лексемами «pàlto», «pɑlto» и «pɑɑlto». Переосмыслению подверглось нидерландское композитное существительное «onderlijf» («живот, брюшина»), ставшее в диалектах «ongderlèfke», «oenderlievvetsjie» и «oenderlavëke», но означающее «майка». Переосмыслены нидерландские лексемы «fok» («фок, нос») и «velo» («велосипед, велик»), представленные в ангверпенском диалекте как «fok» и «vëloo» и означающие «очки». Перестроено нидерландское слово «nachtkleed» («ночная рубашка»), выглядящее в диалектах как «slaupklieëd», «slɑpkleëd» и «slôpklied». Частично перестроена нидерландская лексема «zakdoek» («носовой платок»), представленная в диалектах как «neusdoek», «zɑkdoek» и «neusdoek». Слово «свитер» передается в диалекты, видимо, под совместным влиянием французского («pull») и английского языков («pullover») и выглядит в них как «pull», «pullover» и «pullóver». Примерами французских влияний являются следующие лексемы:

– botte, bot'n, bote – bottes (сапоги);

– brà(n)zjelet, brɑzzelee и bʀɑslee – bracelet (браслет);

– kàbàs, kɑbbɑ и kɑbbɑɑ – cabas (сумка);

– kàrnàsjèèr, kɑrnɑsjeëre и kɑmesjèèʀe – carnassière (портфель);

– kase, koes'n, kèèse – chaussettes (носки);

– koljee, koljee, kooljee – collier (колье);

– s(j)àkos(j), sjɑkos и sɑkoosje – sachotte (ридикюль);

– soetjeneke, soetjei, soetjei – soutien-gorge (бюстгальтер) [5].

Брюжское «peizenee» («очки») представляет собой французское словосочетание «pince-nez» («защеми нос»), которое значит «пенсне».

К словам нидерландского происхождения можно также отнести «кухонную» лексику, включающую в себя названия предметов посуды. Впрочем, встречаются исключения. Так, например, слово «тарелка», имеющее немецкое происхождение – «teller» (от латинского «taliare»), в антверпенском, брюжском и гентском диалектах выглядит как «tàlloeèr», «tɑlloare» и «tɑluʀe». Слово «вилка» в антверпенском диалекте обозначают нидерландской лексемой «vork» – «vörkèt», а в брюжском и гентском – французской «fourchette» – «fersjætte» и «foʀsjæt»; но стоит отметить, что обе эти основы восходят к латинскому «furca». Лексема «чашка» – от французского слова «tasse», и встречается во всех трех диалектах как «tàs», «tɑsse» и «tɑse». Однако в антверпенском диалекте эта лексема может быть также выражена словом «zjàt», происходящим от французского «jatte» – «миска, плошка». Слово «блюдо» в антверенском диалекте представлено нидерландской лексемой «kom» («миска») – «koem(me», в брюжском – французским «saladier» («миска, салатница») – «sɑlɑdiere», а в гентском – французской лексемой «plateau» («блюдо, поднос») – «plɑ» [5].

В отношении гастрономической лексики можно также отметить превалирование нидерландских лексем, хотя встречаются и примеры французского происхождения. Так слово

«лук» в антверпенском, брюжском и гентском диалектах выражается лексемами «àrjouin», «azjuun» и «ɑndzjuun», происходящими от французского «oignon». Слово «цикорий» встречается в антверпенском диалекте в форме «wìtloeëf» – от нидерландского «witloof», в брюжском выражается французским словом «chicon» – «sjikong», а в гентском – нидерландской составной лексемой «suikerijkruid» («трава цикория») – «sokʀakʀoaid». Слово «морковь» выражено в антверпенском диалекте нидерландской лексемой «peentjes» – «peekes», в брюжском – французской «carottes» – «kɑroot'n», а в гентском – нидерландской «wortelen» – «weuʀtels». Лексема «клубника» представлена в антверпенском и гентском диалектах нидерландским словом «aardbei» – «jàrrebees» и «êʀtbeze» соответственно, а в брюжском – французским словом «fraise» – «frèèze». Слово «персик», имеющее французское происхождение – «pêche», выражается во всех трех диалектах как «pesj», «pesje» и «peesje». Однако, в антверпенском диалекте это слово может быть также выражено лексемой «àppelkok», происходящей, как минимум от слова «appel» («яблоко») в неожиданном сочетании с лексемой «kok» («повар») [5].

Интересные примеры можно также обнаружить среди лексики, описывающей мясные изделия, молочные продукты, морепродукты. Так, во всех трех диалектах слово «колбаса» обозначается лексемой «sossies», происходящей от французского «saucisse». Лексема «карбонат» выражена в этих диалектах различно – в антверпенском диалекте она восходит к французскому слову «carbonnade» – «kàrmenaaje», а в брюжском и гентском – к нидерландскому «stoverij» – «stovers» и «stuvera» соответственно. Южнонидерландская лексема «ветчина» («hesp») в антверпенском диалекте – «èps», в брюжском – «èspe», а в гентском – «æpse» или «æspe». В антверпенском и гентском диалектах слово «сливки» восходит к нидерландскому «ʀoom», соответственно – «ʀoeëm» и «ʀuum», а в брюжском – к французской лексеме «crème» – «kreim». Эта же лексема используется и для слова «мороженое», которое в антверпенском и гентском диалектах ведет свою историю от французского словосочетания «crème glacée» – «kreëmgelàs» и «kʀīmglɑs».

Другим примером гастрономической лексемы нидерландского происхождения является слово «чеснок», для которого в брюжском и гентском диалектах используется лексема «look» – «look» и «luuk» соответственно; в антверпенском диалекте иногда возвращаются к общенидерландской норме «knoflook» – «(knof)loeëk» (во французском языке слово «чеснок» является односложным: «ail»). В свою очередь лексема «мускатный орех» являет собой пример интерферентной лексической единицы. Это сложное слово построено на нидерландских лексемах (в норме «muscaatnoot»), упорядоченных по французскому образцу («noix de muscade») – «notsjesmùskaut», «neutemesjhoat» и «notemuskoat».

Отдельного внимания заслуживают лексические примеры из мира фауны, также имеющие нидерландское происхождение. Слово «паук» (нидерландский «spin») во всех трех рассматриваемых диалектах содержит в себе лексему «kop» («голова») – «spìnnekop», «kobbe» и «kôpe». Слово «оса» в антверпенском и брюжском диалектах основывается на нидерландской лексеме «wesp» – «wèps» и «wæps», а в гентском и также в брюжском диалектах используется редкая нидерландская лексема «fruitenier» («оса, поедающая фрукты») – «fluitenieʀ» и «frutnier». Нидерландское слово «kanarie» («канарейка») представлено во всех трех диалектах сочетанием либо с нидерландским словом «vogel» («птица»), либо с нидерландским словом «piet» (разговорное «шишка, начальник») – «kànonnevougel», «kɑnoariepietsjie»

и «kɑnoɑreveugel». Слово «лягушка» выражается во рассматриваемых диалектах редким словом нидерландского происхождения «puit» – «pouit», «pùt» и «puit» [5].

В диалектах Фландрии встречается уменьшительный суффикс *-ke*. Ряд особенностей имеют формы притяжательных и указательных местоимений. Вероятно, французское притяжательное местоимение третьего лица множественного числа «luer(s)» влияет на становление антверпенской формы «eule» («их»), но возможно и фонетическое влияние антверпенской формы притяжательного местоимения второго лица множественного числа «olle» («ваш»). Остальные формы – нидерландского происхождения. Определенный и неопределенный артикли также восходят к нидерландским формам, но определенный артикль *de* и *het* редуцируется, соответственно, в *d'* и *'t* перед существительным, начинающимся на гласный, например, *d'appel*s и *'t àppelke* (в отличие от нидерландского *de appels* и *het appeltje*). Такая редукция обусловлена, видимо, фонетической сферой. Упоминавшаяся выше форма *den*, маркер архаичного склонения, не редуцируется (*den appel*). К архаичному склонению (*eenen*) восходит также и форма неопределенного артикля – *e* или *ne(n)*, которая в общенидерландской норме выглядит как *een*. Вопросительные местоимения в диалектах Фландрии имеют исключительно нидерландское происхождение.

Некоторые грамматические особенности рассматриваемых диалектов не имеют аналогов в общенидерландской норме и могут быть объяснены, в той или иной степени, интереференционным воздействием французского языка.

Так, обнаруживается влияние французского синтаксиса на образование зависимых вопросительных предложений [5]. В диалектальной конструкции:

Hebt ge verstaan *wat* dat ge moet doen? (Вы поняли, что вы должны делать?)

(Avez-vous compris ce que vous devez faire?)

(Hebt U verstaan, wat U moet doen?)

очевидно наличие антецедента, невозможного в общенидерландской норме.

Также в рассматриваемых диалектах может наблюдаться удвоение подлежащего (если оно построено на местоимении). Приведем пример независимого вопросительного предложения со сложной инверсией из брюжского диалекта:

Ho *je hie* dɑ doewn? (Ты сделаешь это?)

(Vas-tu faire cela, toi?)

(Ga jij dat doen?)

Местоименное подлежащее удваивается также и в повествовательных предложениях, если необходимо его эмфатическое выделение. Такому выделению может подвергнуться и субстантивный второстепенный член предложения, построенный на местоимении.

Удвоение местоименного подлежащего обнаруживается во всех городских диалектах – антверпенском, брюжском и гентском соответственно [5]:

*W'*emme *wolle(n)* olle gezieng. (Мы вас видели.)

*J'*ën eet *ie* hīn'n tied. (У него нет времени.)

A eet *a* ma dɑ gezeed. (Он сказал мне это.)

Более того, удвоение местоименного подлежащего наблюдается даже в безличных конструкциях, что, как мы полагаем, является наивысшим пределом синтаксической интерференции (пример из брюжского диалекта):

'*t* Kon *ie* oltied zekke dīng'n hebeur'n. (Такое всегда может случиться.)

(De telles choses peuvent toujours arriver.)

(Er kunnen altijd zulke dingen gebeuren.)

Во французском языке прибегли бы к удвоению подлежащего *de telles choses* – «De telles choses, elles peuvent toujours arriver.». Однако в рассматриваемом примере удваивается формальное подлежащее *il*: «Lui, il peut arriver de telles choses.».

В рассматриваемых диалектах возможен как распад, так и нераспад главных членов предложения. Как известно, французское подлежащее, если оно удвоено эксплицитным местоимением, распадается, и не распадается, если удвоение проведено имплицитным местоимением. Мы предполагаем, что в диалектах Фландрии удвоенное местоименное подлежащее распадается всегда, вне зависимости от имплицитности или эксплицитности удваивающего его местоимения.

В рассматриваемых диалектах Фландрии встречается также сказуемое, где глагол, восходящий к нидерландскому *gaan*, удваивается тем же глаголом (пример из брюжского диалекта):

'k *Hon* dɑd ier e kī rɑp *hon* doewn. (Я сделаю это весьма быстро.)

Глагол *gaan*, впрочем, может даже утраиваться.

Интерференционные явления распространяются на все уровни языка, что затрудняет идентификацию и установление иерархии различных типов интерференции. Система языка подчиняется движениям речи, и это находит выражение в воздействии фонетических и интонационных явлений на строй морфологических и синтаксических конструкций.

В восточно- и западно-фламандских диалектах слабые глаголы образуют простое прошедшее время с помощью окончания *-ege* (множественное число *-egen*): «je werktege» («я работал»), «'k wachtege» («я ждал»), «we speeldegen» («мы играли»). Это объясняется тем, что в простом настоящем времени диалектальные формы сохраняют окончание *-e*, и в случае слабых глаголов, оканчивающихся в простом прошедшем времени на *-te* или *-de*, разницы между временами не будет слышно. Так, например, «'k antwordde» может иметь двойное значение – «я отвечаю» или «я отвечал». Во избежание семантической путаницы оппозиция простое настоящее – простое прошедшее время организуется так, что простое прошедшее время получает новое окончание *-ege*, которое, скорее всего, восходит к окончанию *-ede*. В немецком языке это явственно видно в «antwortete», в остендском диалекте – в «werktede». Вследствие контаминации с широко распространенным окончанием *-de* может возникать утяжеленная форма простого прошедшего времени со «ступенчатым» окончанием *-egede*, например, «'k antwordegede», «'k wachtegede». Даже в случае таких глаголов как «spelen», где простое прошедшее время «speelde» достаточно отличается от простого настоящего времени «spele», можно услышать «speeldegede» [5]. Впрочем, носители диалектов вполне осознают экстраординарность этой формы и используют ее, в основном, для создания комического эффекта.

Те же фонетические явления приводят, по всей видимости, к стяжению окончания *-t* с объектными формами местоимений «ge», «gij» и «gijlen» («вы»), причем результат стяжения может быть как одинарным, так и двойным. Это можно видеть в преобразовании примера, который мы уже приводили выше:

Hebt ge verstaan wat *dat ge* moet doen? = *Hedde gij* verstaan wa *dadde* moet doen?

Наше предположения подтверждается также и зависимостью окончаний глаголов «делать» и «идти» в диалектах Фландрии от фонетического окружения, обусловленного не только типом предложения, как в общенидерландской норме: «Je gaat.» – «Ga je?» («Ты идешь.» – «Ты идешь?» и «Je doet.» – «Doe je?» («Ты делаешь. – Ты делаешь?»), но и наличием дополнения у сказуемого. В антверпенском, брюжском и гентском диалектах окончания более разнообразны и относятся не только ко второму лицу единственного числа, но и к третьему, например (в той же последовательности диалектов):

't Gau. – Gaug 't? а также Ge doe(t). – Ge doeg 't,

't Hɑɑt. – Hɑɑn 't? а также Hie doewt. – Hie doewn 't,

't Goat. – Goan 't? а также Ga doet. – Ga doen 't.

В общенидерландской норме у сказуемого, сопровождающегося дополнением, окончание никаким преобразованиям не подвергается:

Hij doet. – Hij doet het.

Тем самым, специфические грамматические формы, встречающиеся в диалектах Фландрии, могут объясняться фонетическими, а не грамматическими обстоятельствами. Действительно, формы простых прошедших времен во французском языке не имеют двойных или тройных окончаний. Лишь гипотетически можно предположить, что французское *imparfait*, более «утяжеленное» по своим окончаниям, чем *passé simple*, может способствовать «расшатыванию» простого прошедшего времени в обсуждаемых диалектах. Возможно, в грамматическом значении этого времени сочетается оба французских значения. В случае подлежащего «gij» («Вы») «лишнее» окончание -*t* может прибавляться даже к простому прошедшему времени неправильных глаголов, например, в диалектальной конструкции:

Ge riept, da ge kwamt. – U riep, dat U kwam. (Вы крикнули, что Вы пришли.)

Весьма интересны случаи интонационной интерференции в отрицательных предложениях рассматриваемых диалектов. Востребуется частица *en*, использовавшаяся в средненидерландском языке наряду с отрицаниями *niet* и *geen*. Эта частица соответствует, по мнению некоторых грамматистов, английскому вспомогательному глаголу *do* в эллиптических конструкциях: *ba 'k en doe = but I don't*. Используется она и для выражения негативного оттенка наречий «maar» («однако») и «nooit» («никогда»):

't Ën ès moaʀ kèwe. – Het is *vrij* koud. (Холодно, однако.) – диалект Гента;

'k Ën goan deʀ nuunt ne mieʀ noaʀtoe. – Ik ga er nooit meer naartoe. (Я никогда больше туда не пойду.) – диалект Гента.

Частицу *en (ën)* можно обнаружить и в нейтрально окрашенных отрицательных предложениях:

't Ën keu nie. – Het kan niet. (Это невозможно.) – диалект Гента;

J'ën eet ie hīn'n tied. – Hij heeft geen tijd. (У него нет времени.) – диалект Брюгге.

Вышерассмотренные случаи имеют отношение к интонационной интерференции, но французский язык интерферирует с нидерландским и в грамматической сфере. Например, перенимается синтаксическое двойное отрицание:

Ik ken hier *niemand niet.* = Je *ne* connais *personne* ici. (Я здесь никого не знаю.)

Впрочем, встречаются случаи, где на отрицательное предложение воздействуют как интонационная, так и грамматическая интерференция. Так, в диалектах Фландрии возможно удвоение наречного отрицания:

Noeët ofte noeët nie mieër doeng 'k dà nog. (Никогда я этого больше не сделаю.)

Здесь, по всей видимости, *noeët = nie mieër* (*nooit = niet meer*). Как известно, соответствующее французское предложение также обязательно включает в себя двойное отрицание:

Plus jamais je ne ferai cela.

На этом фоне вышерассмотренная гентская конструкция «'k Ën goan deʀ nuunt ne mieʀ noaʀtoe», где используется тройное отрицание, не выглядит необычной.

Интересной особенностью брюжского и гентского диалектов является своего рода спряжение частиц «да» и «нет». Весьма приблизительно этот случай можно сопоставить с английскими конструкциями типа «Yes, I am.» или «No, he doesn't.» В диалектах Брюгге и Гента к частицам «да» / «нет» добавляются личные окончания. Так, для первого лица единственного числа можно обнаружить, соответственно, «joak» / «nenk» и «joajek» / «nienek», а для множественного – «jom (jow)» / «nem» и «joam» / «niem». Более того, в третьем лице единственного числа в этих диалектах учитывается род личного местоимения или существительного – женский, мужской или средний.

Диалекты Антверпена, Брюгге и Гента выказывают ряд фонетических особенностей, характеризующих также и соответствующие диалектальные группы. Наиболее отчетливо эти особенности проявляются в сопоставлении с общенидерландской нормой. Так, в антверпенском диалекте обнаруживаются утрированное произнесение гласных *a*, *i* и *u* и укороченность некоторых долгих гласных. Нередко возникает гортанный приступ (типа безударного *e*), долгий *a* может произноситься как нидерландское недифтонгизированное *au*, краткий гласный (кроме *a*) + *n* + *t* / *d* / *s* / *z* иногда назализирует *n* (который становится, собственно, звуком *ng*). Весьма своеобразны фонетические особенности брюжского диалекта, в котором буква *g* обычно произносится как звук *h* с придыханием, а *h*, как правило, не подвергается аспирации. Между звуками *oe* (французское *ou*, которому в нидерландском соответствует *ou* / *au*) и *t* появляется *k*. Нередко *e* (произносимое как *è*) перед *l* превращается в *a*, краткий / долгий *a* перед *l* становится кратким *o*, долгий *u* перед *r* становится кратким. Долгие гласные подвергаются дифтонгизации, как это случается с некоторыми нидерландскими звуками. Значительное французское фонетическое влияние испытал гентский диалект, в котором краткие гласные часто растянуты, при этом краткий *o* перед *n* превращается в *oe*, краткий *o* перед *p*, *f*, *v*, *k*, *g*, *m* произносится как *ô* (этот звук тяготеет к нидерландскому *ou* / *au*). Долгий *o* становится долгим *u*, *e* (произносимое как *è*) перед *l* превращается в *a* (как в брюжском диалекте), в простонародном языке безударный *e* перед *l* превращается в *ol*, *i* перед носовым *n* произносится как *ei* [10].

В Брюсселе бытует особый брабантский диалект (который некоторые лингвисты предпочитают называть социолектом) – марольский. Иногда в научной литературе этот диалект обозначается как «брюссельский», что не совсем верно, поскольку на территории Брюсселя можно остаточно найти, как минимум, еще два языковых варианта – баргунский, язык бродяг, уличных торговцев и артистов, и диалект района Моленбек. Марольский представлен наиболее ярко. На нем написаны литературные произведения, поставлены спектакли, существуют словари, выпускаются журнальные издания [11].

Изначально Брюссель говорил на южно-брабантском диалекте. Начиная с XVIII в. в юго-западной части столицы, в квартале Мароль, стали селиться рабочие, приехавшие с юга Бельгии, из Валлонии. В их среде и возник марольский диалект, отличающийся от

других брабантских диалектов большим числом валлонских заимствований. С годами этот диалект все более превращался в язык рабочего класса и вбирал в себя заимствования из французского, испанского, немецкого, английского языков, а также языка идиш. Позднее, в XIX в. в процессе активной галлизации Брюсселя, марольский диалект был практически полностью вытеснен французским языком, который стал обязательным языком администрации и образования. Цифры, известные из переписей населения, говорят сами за себя: в 1830 г. франкофоны составляли около 30 % населения Брюсселя, а через сто лет эта цифра достигла 70 %. Согласно современным оценкам, франкоговорящее население Брюсселя составляет более 90 % [12].

В наши дни марольский диалект представляет интерес, в основном, для лингвистов и культурологов. Однако он является предметом национальной гордости незначительного количества носителей этого языка, широко задействуется в традиционных кукольных спектаклях, и в его поддержку организуются различные культурные мероприятия.

Вообще говоря, марольский диалект Брюсселя отличается от диалектов Фландрии исключительно частым переключением кодов. Подобное явление встречается также за пределами Бельгии (департаменты Нор и Па-де-Кале на севере Франции) во франко-фламандском диалекте, который принадлежит к западно-фламандской группе. Однако исторически франко-фламандский диалект является смесью пикардийского и западно-фламандского языковых вариантов. В марольском диалекте, как уже отмечалось выше, смешиваются, в основном, брабантские, валлонские и французские языковые варианты.

Приведем несколько примеров переключения кодов, намеренно не выделяя германские или романские основы:

– Ei aa gienen débouchonneur. (У него не было штопора.)

– Il sort manger avec sa mokke. (Он идет перекусить со своей девушкой.)

– Ge zai nen imbécile. (Ты – придурок.)

– K'em a carrément de woeraait gezeit. (Я ему правду напрямую сказал.)

– Il est kroemmeneil zat. (Он изрядно пьян).

– Op de chaussee is da te dangereus. (На проезжей части слишком опасно.)

– Allien mo vè aile t'amuzeire. (Только лишь чтобы вас повеселить.)

Поразительным примером переключения кодов являются первые две строчки стихотворения Виктора Лефевра (Victor Lefèvre, 1822–1904) «Flup le Marollien» («Флуп маролец») из книги «Le Marollien» («Марольцы», 1871), где рифмуются французская и нидерландская лексемы [13]:

El frèr’ de Flup duvait partir pour l’guerre
Il était kron et toch ! goed gekeuré!
(У Флупа стали брата на войну забирать.
Хоть и хромой, а все же – годен воевать!)

Довольно часто в Брюсселе французские предложения представляют собой кальки с нидерландских, например:

J’espère que ça va pas continuer à rester durer. (Надеюсь, что это не продлится.)
(Ik hoop dat het niet gaat blijven duren.) или
Arrive une fois, filske! (Подойди-ка, мальчик!)
(Kom 'ns, jongen!)

Дословно переводятся и идиоматические выражения, например:

Il a une pièce dans ses bottes. (Он изрядно пьян.)

(Hij heeft een stuk in zijn laarzen (дословно – У него крошки в сапогах.)).

Расширения нидерландских глаголов также могут подвергнуться, иногда, дословному переводу:

Nous sommes (o) chemin. (Мы ушли.)

(We zijn weg)

Факультативное *o* во французском предложении может быть связано, как мы полагаем, с интерференционным влиянием соответствующей английской структуры «We are away».

Весьма курьезно звучит по-марольски рекомендация «Amplojeit zou veul Franse woude ni, de Vlomse langosje es abbondant genoeg!» («Не используй так много французских слов, фламандский язык достаточно богат!»), где, как минимум, три лексемы – французского происхождения.

Удерживая в равновесии германскую основу и романское наполнение, марольский язык представляет собой образец истинно бельгийского диалекта. Это выражается и в его фонетических особенностях. В диалектах Фландрии, кроме лимбургских, дифтонги слабо различимы. Однако можно отметить ряд характерных черт. Так, общенидерландское *ei* / *ij* в анверпенском диалекте становится *aai*, в брюжском – *ie* (долгое), а в гентском – *aa*. В марольском диалекте этот дифтонг сочетает и антверпенские, и гентские особенности. Такая же ситуация наблюдается в отношении общенидерландского дифтонга *ui*, который в марольском диалекте становится *oei* (в антверпенском – *oui*, в брюжском – *u(u)*, в гентском – *oai*). Особую эволюцию в марольском варианте претерпел общенидерландский звук *aa*. В северо-брабантском диалекте, на котором говорят в Нидерландах, этот звук становится *ao*, а в антверпенском – *au*, в гентском – *oa*. Далее, пройдя через диалект Левена как *oo*, этот звук превращается в марольском варианте в *oe*. В результате лексема “water” («вода») произносится в Брюсселе как «woeter».

Брюссель был также первым городом, в котором в брабантский диалект вошло французское велярное *r*, перенятое от высших слоев населения. Эта особенность характерна лишь для двух диалектов Фландрии - брюссельского и гентского [14].

В марольском языке наблюдается палатализация согласных *t* и *d*, отчего они в некоторых местах начинают произноситься как *t(s)j* и *d(z)j*. Сходная ситуация встречается лишь в некоторых лимбургских диалектах [15].

Лимбургский язык отличается от других диалектов Фландрии тем, что он имеет полноценную систему тонов, образуя вместе с соседними рипуарскими диалектами так называемую франконскую тоновую область.

После политического разделения лимбургского ареала на нидерландскую и германскую части в каждой из них наблюдается весьма сильное влияние, соответственно, общенидерландской и общенемецкой норм. В Бельгии язык Лимбурга считается самым мелодичным, система тонов управляет смыслом – так, в говоре Хасселта одна и та же лексема, например, «gaas», в зависимости от тона означает либо «газ», либо «гусь»; так же различаются и единственное и множественне число – «bien» может значить либо «нога», либо «ноги».

Во многих лимбургских диалектах *-t* в конце слова не произносится, что сразу же «выдает» их носителей. Так, «nacht» («ночь») становится «nach», а «zacht» («мягкий, нежный») – «zach» [16].

Вообще говоря, лимбургская группа диалектов, находясь на востоке Фландрии, относится к южной ветви нижнефранкских языковых вариантов. Диалекты запада Фландрии составляют северную ветвь этих языков. Наряду с вышеупомянутыми фонетическими особенностями существуют и более разительные отличия лексического и грамматического толка. Так, формы личных местоимений в лимбургских диалектах либо полностью повторяют немецкие, либо находятся под их влиянием. Например (в последовательности общенидерландская норма – лимбургские диалекты – общенемецкая норма):

– ik – ich – ich;
– jij – du – du;
– hij – heer – er;
– wij – weer – wir;
– jullie – geer – ihr.

Как и в немецком языке, в лимбургских диалектах присутствует умлаут в различных грамматических формах, например, форма настоящего времени от глагола «vallen» («падать») во втором лице единственого числа образуется как «(du) vils». Умлаут задействуется также при перемене числа – «'ne baum» («дерево») и «twie beim» («два дерева»), при добавлении уменьшительного суффикса – «'ne bal» («мяч») и «e bélke» («мячик») и при словообразовании – «'n bekker» («пекарь») от «bakken» («печь»).

Эксклюзивной особенностью лимбургского варианта является наличие в нем герундиальной формы на *-tère*, например, в предложении: «Kinder mótte sjpaelentère liere.» («Дети должны учиться, играя.»).

Единообразной современной орфографии лимбургский язык не имеет; что же касается письменной традиции, то следует отметить Хендрика ван Фелдеке (Hendrik van Veldeke, до 1150 – между 1190 и 1200 гг.). Этот поэт, которого считают одним из самых первых как нидерландских, так и немецких авторов, был родом из небольшой деревушки неподалеку от Хасселта [17].

В бельгийской части Лимбурга имеют хождение восточно- и центрально-лимбургские диалекты, с множеством французских заимствований, например: «remorque» («прицеп»), «embrayage» («сцепление»), «camion» («грузовик»), «compteur» («электросчетчик»), «facteur» («почтальон»). Встречаются слова и со смешанными основами, например, «vitessebak» («коробка скоростей»).

Приведем ряд примеров, демонстрирующих германские основы:

– Ich hub gesjaf. (Я работал.)
– aanvank van de waek (начало недели)
– De kènjer zint groeët. (Дети выросли.)
– de sjonste vrouw (самая красивая женщина)
– es uch beleef или estebleef (пожалуйста)
– Mörge! (Доброе утро!)
– Danke! (Спасибо!)
– ovvend или aovend (вечер)
– päerd (лошадь)

Лимбургский язык в своем лимбургско-рипуарском варианте является единственным германским языком Бельгии, соединяющим Фламандский и Валлонский регионы в языковом и культурном отношении – лимбургский язык Фландрии перетекает в плат-дитс Валлонии и наоборот.

Тем самым, разнообразие германских диалектов, бытующих на территории современной Фландрии, весьма велико. Краткая справка о лексических и грамматических особенностях четырех основных диалектальных групп, а также об особенностях их фонетики, приведенная в настоящей работе, позволяет составить представление о своеобразии германских диалектов Фландрии – южной и северной ветвей нижнефранкских языковых вариантов. Это своеобразие, выражающееся, среди всего прочего, в сильном интерференционном влиянии со стороны романо-германского окружения, заслуживает особого внимания в современной германистике.

Заключение. За последние 20 лет процент говорящих на вышеупомянутых диалектах продемонстрировал катастрофическое снижение. Среднее число граждан, безупречно владеющих региональными языками, снизилось во Фландрии на 18 % и составляет в настоящее время порядка 33 % от общего числа жителей, хотя практически каждый понимает родную речь и может поддержать беседу. В провинции Антверпен, одной из областей распространения брабантских диалектов, заметен значительный спад (22 %), но ими владеют 43 % жителей. Наибольший спад (33 %) наблюдается в провинции Фламандский Брабант, где диалект освоен на уровне родного языка лишь 17 % жителей. Такой же спад характерен и для области распространения восточно-фламандских диалектов – ими безупречно владеют только 19 % граждан и западно-фламандских – 55 % (эти диалекты сохраняются максимально долго). Вдвое меньший спад (16 %) – на территориях распространения лимбургских диалектов – 26 % носителей.

Вместе с тем, основные черты германских диалектов Фландрии перешли в промежуточный язык «tussentaal», как в плане лексики, так и в плане грамматики. Этот язык является переходным между германскими диалектами и нидерландским языком, представленным во Фландрии двумя вариантами – общенидерландской нормой и бельгийским нидерландским языком. По сути, «tussentaal» является третьим вариантом нидерландского языка, который наиболее близок к автохтонным германским диалектам, в особенности, к брабантским. Однако прогрессирующее снижение числа говорящих на исконных диалектах Фландрии заставляет задуматься о необходимости строгой научной фиксации исчезающих языковых вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nederlandse en Vlaamse dialecten // Het Dialectenwoordenboek Gents. URL: http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Gents (дата обращения: 15.03.2020).

2. Claeys H. J. Vlaams Dialectenwoordenboek. Antwerpen: Artus Uitgevers, 2001.

3. Weijnen A. A. Nederlandse Dialectkunde. Assen: Van Gorcum and Comp., 1966.

4. Atlas van de Nederlandse taal. Editie Vlaanderen / Van der Gucht F., De Caluwe J., Jansen M., Van der Sijs N. Tielt: Lannoo, 2017.

5. Ульяницкая Л. А. Лексическая и грамматическая интерференция во фламандском варианте нидерландского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб, 2018.

6. Dialecten in West-Vlaanderen // Het Dialectenwoordenboek Brugs. URL: http://www.mijnwoordenboek.nl/ dialect/Brugs (дата обращения: 15.03.2020).

7. Taeldeman J. Het Gents. Een eiland in het Oost-Vlaamse dialectgebied // Honderd jaar stadstaal. Amsterdam/Antwerpen: Uitgeverij Contact, 1999. P. 273–287.

8. Nederlandse en Vlaamse dialecten // Het Dialectenwoordenboek Antwerps. URL: http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Antwerps (дата обращения: 16.03.2020).

9. Neirynck F. Gents Zakwoordenboek. Antwerpen: Artus Uitgevers, 2012.

10. Петренко Г. К., Ульяницкая Л. А., Шумков А. А. Фонетическая и интонационная интерференция на примере фламандских диалектов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 141–147. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30.

11. Wanet F. Le bruxellois de poche. Bruxelles: Assimil, 2000.

12. Vanden Branden J.-P. Regard amoureux sur le parler bruxellois. Bruxelles: La Boîte à Pandore, 2014.

13. Lefèvre V. Le Marollien, œuvres complètes de Coco Lulu. Bruxelles: Henri Manceaux, 1871.

14. Quiévreux L. Dictionnaire du dialecte bruxellois. Cressé: Editions des Régionalismes, 2015.

15. Spelling 2003 voor de Limburgse dialecten / Bakkes P., Crompvoets H., Notten J., Walraven F. URL: http://www.limburgsedialecten.nl/download/spelling2003.pdf (дата обращения: 13.03.20).

16. Belemans R., Keulen R. Taal in stad en land: Belgisch-Limburgs. Tielt: Lannoo, 2004.

17. Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M. Limburgan // Glottolog. URL: https://glottolog.org/resource/languoid/id/vlax1238 (дата обращения: 18.01.20).

Информация об авторах.

Ульяницкая Любовь Александровна **–** кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, теория языковых контактов, лингвистическая интерференция. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Шумков Андрей Арнольдович – доктор филологических наук (2009), доцент (2007), заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: грамматика германских языков, общее языкознание, модели языка, переводоведение, теория языковых контактов. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7326-4371. E-mail: noizen@mail.ru

REFERENCES

1. Nederlandse en Vlaamse dialecten, *Het Dialectenwoordenboek Gents,* available at: http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Gents (accessed 15.03.2020).

2. Claeys, H.J. (2001), *Vlaams Dialectenwoordenboek*, Artus Uitgevers, Antwerpen, NED.

3. Weijnen, A.A. (1966), *Nederlandse Dialectkunde,* Van Gorcum and Comp., Assen, NED.

4. Van der Gucht, F., De Caluwe, J., Jansen, M. and Van der Sijs, N. (2017), *Atlas van de Nederlandse taal. Editie Vlaanderen*, Lannoo, Tielt, Belgium.

5. Ulyanitskaya, L.A. (2018), “Lexical and grammatical interference in the Flemish version of the Dutch language”, Abstract of Can. Sci. (Ling.) dissertation, SPbSEU, SPb, RUS.

6. Dialecten in West-Vlaanderen, *Het Dialectenwoordenboek Brugs,* available at: http://www.mijnwoordenboek.nl/ dialect/Brugs (accessed 15.03.2020).

7. Taeldeman, J. (1999), “Het Gents. Een eiland in het Oost-Vlaamse dialectgebied”, *Honderd jaar stadstaal*, Uitgeverij Contact, Amsterdam/Antwerpen, NED, pp. 273–287.

8. Nederlandse en Vlaamse dialecten. *Het Dialectenwoordenboek Antwerps,* available at: http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect/Antwerps (accessed 16.03.2020).

9. Neirynck, F. (2012), *Gents Zakwoordenboek*, Artus Uitgevers, Antwerpen, NED.

10. Petrenko, G.K., Ul'yanitskaya, L.A. and Shumkov, A.A. (2018), "Phonetic and intonation interference by the example of Flemish dialects", *Philology. Theory and Practice*, vol. 5 (83), iss. 1, pp. 141–147. DOI: https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-1.30.

11. Wanet, F. (2000), *Le bruxellois de poche*, Assimil, Bruxelles, FRA.

12. Vanden Branden, J.-P. (2014), *Regard amoureux sur le parler bruxellois,* La Boîte à Pandore, Bruxelles, FRA.

13. Lefèvre, V. (1871), *Le Marollien, œuvres complètes de Coco Lulu*, Henri Manceaux, Bruxelles, Belgium.

14. Quiévreux, L. (2015), *Dictionnaire du dialecte bruxellois,* Editions des Régionalismes, Cressé, FRA.

15. Bakkes, P., Crompvoets, H., Notten, J. and Walraven, F., *Spelling 2003 voor de Limburgse dialecten*, available at: http://www.limburgsedialecten.nl/download/spelling2003.pdf (accessed 13.03.20).

16. Belemans, R. and Keulen, R. (2004), *Taal in stad en land: Belgisch-Limburgs,* Lannoo, Tielt, NED.

17. Hammarström, H., Forkel, R. and Haspelmath, M., "Limburgan", *Glottolog,* available at: https://glottolog.org/resource/languoid/id/vlax1238 (accessed 18.01.20).

Information about the authors.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0163-3243. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Andrey A. Shumkov – Dr. Sci. (Philology) (2009), Docent (2007), Head of the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: grammar of Germanic languages, theoretical linguistics, language models, translation studies, language contacts. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7326-4371. E-mail: noizen@mail.ru